

Раздел I. ПРОБЛЕМА ОСОЗНАННОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

УДК 008:130.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-302-311

НОМО DIGITALIS И САМОСОЗНАНИЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ, ВЫЗОВЫ И ЗАПРОС НА УНИКАЛЬНУЮ САМОСТЬ

*Тульчинский Григорий Львович**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

Целью данной работы является осмысление ситуации и гуманитарных последствий переживаемой радикальной трансформации всего образа жизни, которая связана с цифровизацией. Основное внимание уделяется вызову человеческой субъективности. Результаты современных нейрофизиологических исследований показывают, что самосознание (как высший уровень и сущность субъективности) формируется в результате социализации, которая сопровождается коммуникацией в нарратологическом формате. Это позволяет провести уточнение содержания таких концептов, как сознание, самосознание, свобода, а также выявить роль ответственности в формировании соответствующих феноменов. Анализ показывает, что ключевую роль в формировании ответственности/свободы играет освоение наррации опыта от первого лица. Нарративный подход оказывается важным как в анализе феноменологии сознания, так и в анализе исторической эволюции человечества. Именно это обстоятельство и является главным в осмыслении перспектив homo digitalis. Современная «мегамашина» цивилизация синтезирует в единую цифровую экосистему живое и неживое, биологическое и механическое. Цифровая экосистема вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Объемы информации и скорости ее трансляции и переработки не оставляют места для рефлексии. От человека требуется не осмысление и рассуждение, а «правильная» реакция, активация опций, которые запускают заданные алгоритмы. Речь идет фактически о переходе к сигнальной коммуникации и «новой животности». Homo digitalis становится не самостоятельной частью этой системы, а ее опцией: инструментом и продуктом. Статья содержит обобщение горизонта таких перспектив, как утраты субъективности в цифровых кодах, так и утраты ее востребованности. Проведенный анализ дает возможность наметить содержание гуманитарной экспертизы не только последствий цифровых технологий, но и их разработки и имплементации.

Ключевые слова: глубокая семиотика, гуманитарность, коммуникация, культура, наррация, самосознание, самость, смыслообразование, цифровизация.

HOMO DIGITALIS AND SELF-AWARENESS: TRANSFORMATION, CHALLENGES AND REQUEST A PERSONOLOGICAL UNIQUE SELF

*Grigori L. Tulchinskii**National Research University «Higher School of Economics» (Saint Petersburg)*

The article aims to comprehend the situation and the humanitarian consequences of the ongoing radical transformation of the entire way of life caused by digitalization. The focus is on the challenge facing human subjectivity. The results of modern neurophysiological research show that self-awareness (as the highest level and essence of subjectivity) is formed as a result of socialization which is accompanied by communication in a narratological format. This makes it possible to clarify the content of such concepts as consciousness, self-awareness, freedom, as well as to identify the role of responsibility in the formation of the corresponding phenomena. Analysis shows

that mastering the first-person narration of experience plays a key role in shaping responsibility/freedom. The narrative approach turns out to be important both in the analysis of the phenomenology of consciousness and in the analysis of the historical evolution of mankind. It is this circumstance that is crucial in understanding the prospects for homo digitalis. The modern «mega-machine» civilization synthesizes the living and non-living, the biological and mechanical into a single digital ecosystem. This ecosystem displaces not only the natural world but also its perception, the very experience of going through some experience «in the first person». The volumes of information and the speed of its transmission and processing leave no room for reflection. A person is required to provide not comprehension and reasoning but a «correct» reaction, the activation of options that launch the given algorithms. It is actually about a transition to signal communication and «new animality». Homo digitalis becomes not an independent part of this system but its option: a tool and a product. The article provides generalization of the horizon of such prospects: both the loss of subjectivity in digital codes and its being in demand. The analysis performed allows us to outline the content of humanitarian expertise not only of the consequences of digital technologies but also of their development and implementation.

Keywords: deep semiotics, humanitarianism, communication, culture, narration, self-awareness, self, meaning formation, digitalization.

Введение: постановка проблемы

Человечество вступило в качественно новую стадию развития. В терминологии А. Тоффлера речь идет о «четвертой волне», или о «Революции 4.0», связанной с цифровизацией, — расширением применения технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости, что радикально меняет весь жизненный уклад жизни современного общества: экономику, науку, инженерное и военное дело, образование, досуг, личную жизнь, которые сводятся к потоку обработки оцифрованных данных.

В таких комфортных условиях человечество еще никогда не жило: умный дом, умная машина, умные предприятия, город... Оцифрованное общество массового потребления в состоянии удовлетворить практически любую артикулированную потребность. Но, как и у любого достижения цивилизации, у цифровизации имеются определенные издержки, некоторые из которых довольно легко корректируются с использованием тех же технологий, а некоторые требуют уточнения и осмысления ключевых идей и концепций, непонимание чего сказывается не только в важных для развития социума социально-культурных практиках (возможности тотального контроля и манипулирования, радикальное изменение структуры занятости, формирование новых социальных неравенств), но и в антропологических вызовах современного человека как homo digitalis, что проявляется в концепциях «новой животности», пост- и трансгуманизма, алармизме, переходящем в хорроризацию будущего человечества.

Главный антропологический вызов касается понимания перспектив субъективности — сознания и самосознания, проблематика проявления которых составляет сердцевину гуманитарных

наук. Тем самым ситуация становится вызовом их статусу и востребованности. Целью работы является попытка осмысления вызова субъективности homo digitalis и перспективы ответа на него.

Достижение этой цели предполагает уточнение роли и проблемы сознания и самосознания с учетом современных нейропсихологических исследований. В обобщении их результатов особый интерес представляет роль нарратологического формата социальной коммуникации, сопровождающей освоение социально-культурных практик. Трактовка самосознания как наррации от первого лица открывает нетривиальные возможности конкретизации проблемы субъективности homo digitalis, ее перспективы и возможности. В логике решения этих задач и строится дальнейшее изложение.

Роль и проблема сознания

Человек выделился среди других живых организмов, если не природы вообще, за счет создания культуры как системы внегенетического наследования опыта поведения [Лотман Ю.М., 2002, с. 147–148]. Животное адаптируется к изменениям окружающей среды за счет мутации биологического вида и естественного отбора. Человек же, практически не мутируя как вид, вынес механизм адаптации вовне, превращая натуру в культуру, которая, развиваясь («мутируя»), создает новую среду обитания. Другими словами, культура во всем своем разнообразии предстает системой порождения, отбора, хранения и трансляции социального опыта: национально-этнического, профессионального, профессионального, гендерного, семейного и т.д. Человек рождается, будучи, наверное, самым беспомощным на свете существом. Но за счет социализации, т.е. освоения того самого культурного опыта, он становится су-

ществом, способным вести себя не только согласно естественным условиям, но и вопреки им.

Ключевую роль в этом процессе играет формирование сознания и самосознания — не только программирование социальным опытом, его «вращивание» (Л.С. Выготский), но и его индивидуализация, факторами которой выступают физиологические особенности индивида (его возможности и способности, в том числе генетически обусловленные), факты биографии (место и время рождения, воспитания, образования, последовательности освоения социально-культурных практик), уникальный индивидуальный опыт.

Вопрос о природе сознания и самосознания — ключевой в проблеме антропогенеза. Что такое человек? По точности сугубо описательной характеристики до сих остается непревзойденным платоновское определение человека как беспероного двуногого с мягкой мочкой уха и плоскими ногтями — других существ, обладающих таким набором характеристик, пока не обнаружено. Но эта характеристика не дает представления о сущности человека, что, собственно, и порождает обилие определений человека как *homo faber* (существо творящее, использующее инструменты), *homo ludens* (существо играющее, способное к отделению от «звериной серьезности», к смеху), *zoon politikon* (общественное, политическое животное) и т.д. Сущностью человека объявлялись общественные отношения (марксизм, конфуцианство), принадлежность Богу, воля к жизни (Ф. Ницше), воля к власти (А. Шопенгауэр, А. Адлер), сублимация Эроса и Танатоса как жизнеутверждения и разрушения (З. Фрейд), свобода (экзистенциализм, даосизм, буддизм). Но все эти характеристики, так или иначе восходят к идее *homo sapiens* (существа, обладающего сознанием, разумом). Под таким названием человек и выделяется из рода *homo*, семейства гоминид, отряда приматов.

И до сих пор главной проблемой философской антропологии является двойственность человека: с одной стороны — плоть, конечная и смертная, а с другой — сознание, свобода, сопричастность бесконечному духу. Здесь и сейчас не время и не место углубляться в великое множество концепций происхождения сознания: мифологических, Божественного создания человека «по образу и подобию», происхождения человека от инопланетных «пришельцев», роли биоценоза, возведения сознания к формам чувственности, «врожденности» или «припоминания» идей, констатации дуализма и психофизической проблемы.

Вопрос о природе сознания и самосознания важен не только в плане антропогенеза, но для объяснения и признания роли гуманитарного знания, морали и права, предполагающих свободу и свободу воли, которые немислимы без сознания и самосознания, задающих сугубо человеческое измерение бытия. Вне сознания существуют только причинно-следственные связи. И только сознание и самосознание открывают пространство проявления и реализации свободы воли.

Между тем нельзя не признать несколько бесспорных, очевидных и общеизвестных обстоятельств относительно сознания. Прежде всего, это необходимость социального окружения, других людей, взаимодействия с ними. Как писал М.М. Бахтин, если физическое тело человека зарождается и формируется («оплотняется») в материнском лоне, то его сознание «оплотняется» взаимодействием с «другими». При этом речь идет не просто о физическом взаимодействии (что также немаловажно), но и об одновременной коммуникации, т.е. об освоении и использовании членораздельной речи. И это неоспоримый факт — вне общения с другими людьми полноценная личность не формируется. И примеров тому великое множество: от трагических историй вроде несчастного Каспара Хаузера, с которым до 14 лет никто не общался, до С. Хокинга — глубокого инвалида, ставшего гениальным астрофизиком.

Кроме того, содержание сознания, его проявления зависят от возраста, состояния индивида, от социально-культурного контекста, ситуаций. Более того, сознание и самосознание может просто утрачиваться, — например, в состоянии аффекта, в связи с болезнью, возрастной деменцией, распадом личности. Нельзя отрицать и роль головного мозга: сознание — характеристика «человека с головой».

Современная нейрофизиология о сознании и самосознании: три уровня самости

Накопленные в последние десятилетия данные нейрофизиологии, исследований головного мозга [Damasio A., 2010; Pereboom D., 2014], попыток их философского осмысления [Dennett D. 2003; Мишура А. 2016; Хенрих Д., 2018] позволяют связать в более-менее целостную картину такие факторы, как нейронные процессы в головном мозгу (включая роль зеркальных нейронов), посленатальные этапы физического и социального развития человека, освоение практик (в том числе с помощью подражания), освоение речи, языка.

Исходной точкой систематизации предстает гомеостаз живого организма. На этом уровне биотической иннервации формируемые нейронные паттерны в стволовой части мозга (ниже уровня коры) образуют обратную связь, петлю их резонанса с телом. На этом уровне можно говорить о некоей протосамости живого организма.

Следующим уровнем является гомеостаз телесного индивида с ролью определенных участков верхней части стволовой части мозга, таламуса, ряда областей коры обоих полушарий головного мозга, формирующих темпоральную непрерывность и возможности рефлексии, — ощущение вовлеченности и выделенности «здесь и сейчас». Эту способность А. Дамасио называет «базовой самостью» (core self), а Д. Деннет — «набросками проб» опыта.

Первые два уровня свойственны живым организмам, животным. Радикальное отличие начинается на следующем уровне — гомеостаза социально-культурного, негенетического освоения опыта. Здесь важна роль коры головного мозга, в первую очередь — ее заднемедиальной (префронтальной) части, лобных долей, т.е. зон, связанных с освоением членораздельной речи.

Важно, что такое освоение языковых практик происходит в контексте социально-культурных телесных практик, в которых ребенок следует взрослым, подражая им. При этом особую роль играет освоение к 3-му году жизни опыта рассказов о себе в 1-м лице. До этого ребенок, подражая взрослым, даже о себе говорит в 3-м лице. Такие рассказы становятся все более развернутыми, рефлексивными, что свидетельствует о формировании и развитии связной памяти. Недаром А. Дамасио называет этот уровень «автобиографической самостью» (autobiographical self). Фактически, речь идет о способности воспроизводить прошлое, воображать возможное будущее, опыт трансцендентного, не данного в чувственной эмпирике, другими словами — о воображении, мышлении, разуме.

Дальнейшая «инсталляция» программ социального опыта сопровождается интенсивнейшим формированием нейронных сетей, соответствующих переживанию этого опыта на всех трех уровнях. Ключевыми моментами такого развития являются «окно возможностей» (6-й – 11-й годы жизни), когда эти нейронные сети наиболее пластичны, и гормональный выброс в 12–18 лет, когда человек осваивает принципиально новые сценарии поведения. Далее уже сказывается формирование миелиновой оболочки нервных волокон,

закрепляющей сформированные нейронные сети. В 21 год завершается формирование головного мозга зрелого человека.

С представленной точки зрения сознание и самосознание являются продуктом эволюции и освоения социально-культурного опыта. Это позволяет говорить о сознании более конкретно — не как о некоей трансцендентной сущности, а как о трех уровнях проявления интенциональности: протосознание (proto self) — поток ощущений, иннерваций, которым обладают все живые существа, реагирующие на внешнюю среду; базовое сознание (core self) — выделение себя как актора; рефлексивное «автобиографическое» сознание (autobiographically self) — нарративы о своем опыте от 1-го лица. Собственно, именно autobiographically self и конкретизирует самосознание как связную осмысленную память о своем опыте, которая подобна связному роману о себе, который пишет личность с помощью других, пересматривая и переписывая первые главы этого романа.

Таким образом, получается, что ключевую роль в социализации, формировании и развитии сознания играет такая вроде бы обыденная для гуманитариев практика, как наррация — рассказывание связных осмысленных историй с выделением персонажей, играющих роли в этих историях. Такие истории выступают основой смыслопорождения, формулировками осмысленных представлений о происходящем и действительности.

Наррация играет чрезвычайно важную, если не главную роль в жизни социума, обеспечив, по ряду оценок примерно 70 000 лет назад, переход от сигнальной коммуникации к нарративной. Это была когнитивная революция [Harari Y.N., 2014, p. 35–53], — наверное, важнейшее событие в развитии нашего вида, определившее все дальнейшее развитие. Способность рассказывать дала колоссальное преимущество homo sapiens перед другими видами homo, которых тогда насчитывалось минимум шесть. Дело в том, что сигнальная коммуникация (типа «Пожар!», «Тигр идет!») позволяет консолидировать не более 100–120 особей (стаи, семейства, малого племени), тогда как нарративная, рассказывание историй (типа «Этот пожар случился от молнии во время вчерашней грозы», «Я видел тигра сегодня утром у берега реки») дает возможность консолидировать не только сотни, но тысячи, а теперь и миллионы людей. В основе мифологии, религии, истории, морали, права, государства, экономики, денег, финансовой системы, всех проявлений культуры

лежит смысловая картина мира и разделяемое доверие к ней. А формируется эта смысловая картина мира все той же нарративной.

Освоение нарративной коммуникации (рассказов о... включая сплетни, выдуманные истории) обеспечило формирование общей мифологии (идеологии), консолидацию больших групп, расширение круга доверия и в конечном счете — культуры. Именно это обстоятельство и предопределило последующие этапы эволюции человечества:

– Аграрная революция (12 тыс. лет назад) — одомашнивание растений и животных обеспечило избыток пищи и формирование постоянных поселений.

– Экономическая революция (5 тыс. лет назад) — появление денег обеспечило универсальные обмены и институционализацию властного доминирования в формате государства.

– Научная революция (500 лет назад) — географические открытия, освоение планеты, следствием чего стало и формирование империй.

– Промышленная революция (200 лет назад) — индустриализация, урбанизация, массовое общество, нации, буржуазные государства, выход в космос.

– Информационно-коммуникативная революция (50 лет назад) — СМИ, Интернет, мобильная связь, социальные сети, глобализация.

– «Проектная» революция (25 лет назад) — биотехнологии, геновая инженерия, цифровизация обеспечили невиданные ранее жизненный комфорт, одновременно возможности вмешательства и контроля, следствием чего стали экологические угрозы, перспективы пост-(транс-)человечности.

Подводя промежуточный итог, можно признать, что социальная природа человека как *сapiens* связана с коммуникацией в нарративном формате. Во-первых, самосознание, память (как индивидуальная, так и социальная, включая историческую) формируются и актуализируются в коммуникативных практиках нарратива, выступая эффективным средством формирования, даже конструирования самости и идентичности, которые суть способность рассказывать и рассуждать о себе, строить нарратив от 1-го лица, в которой ключевую роль играют имена собственные, указательные и притяжательные местоимения. Такая способность, во-вторых, обретается в процессе социализации: освоения социально-культурных практик, сопровождаемых коммуникацией, в которой человек осваивает нарратив о себе как активном акторе («герое») происходящего.

Свобода как ответственность

Сказанное выше позволяет уточнить и представление о свободе. Широко известно представление Н.А. Бердяева и Ж.-П. Сартра о свободе как «дыре в бытии», добытийном и внебытийном начале бытия, открытом человеку, наделенному сознанием. Действительно, животное полностью погружено в данную реальность, а человек обладает способностью заглядывать за экран данного, выходить из имманентного в трансцендентное, в результате чего «из-за экрана» и появляются самолеты, ракеты, компьютеры и т.п. — то, чего нет в природной реальности. Свобода — богоподобное качество: свобода пошевелить или не пошевелить пальцем сопоставима со свободой — создавать или не создавать новый мир. Поэтому понятие свободы имеет давнюю традицию глубокой проработки в теологии.

Подход к сознанию и самосознанию как результату освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративом от 1-го лица, когда актер выступает причиной, ответственной за совершаемые им действия. Например, когда ребенку объясняют, что это не чашка упала, а он ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. «Это ты сделал!». Такими рассказами человека вырывают из причинно-следственных связей, замыкая причины на него самого, делая его *causa sui*. Собственно, в этом и заключается смысл семейного воспитания, обучения, профессиональной подготовки. Источником формирования и развития сознания как *autobiographically self* выступает та ответственность, которая формулируется в соответствующих переходах от нарратива «это ты сделал» к «это я сделал».

Связь ответственности и свободы известна хорошо: если человек совершил нечто свободно, то он за это действие и его последствия и отвечает, а если речь заходит об ответственности, то она возможна только в случае свободно принятого решения. На этом построены мораль и право. Но в этом соотношении первична ответственность, которой нас «грузят другие» в процессе социализации. Если бы состоялся спор Н.А. Бердяева и М.М. Бахтина о том, что первичнее — свобода или ответственность, то прав был бы М.М. Бахтин с его идеями «не алиби в бытии» и «участного поступающего мышления» [Бахтин М.М., 1986]. М.М. Бахтин, несмотря на его исходную апофатичность, глубоко и принципиально прав. Человек, по факту своего бытия, включенности в него, изначально ответствен [Kane R., 2000]. А разум суть инструмент, мера

осознания масштаба — горизонта и глубины — ответственности.

В праве и морали свобода рассматривается как некая данность, делающая человека вменяемым актором. Но без учета производности свободы мы с неизбежностью погружаемся в теологическое объяснение права и морали. Нас «грузят» ответственностью, замыкая на нас каузальность, социально-культурные практики и сопровождающую их нарратацию: социальный контроль, воспитание, образование, профессиональная подготовка, религия, право, культурные индустрии. Формирование сознания суть история формирования цепочек и сетей нейронов, закрепляющих этот опыт ответственности.

Свобода суть «эпифеномен» культуры, вторичный по отношению к ответственности. Сознание, разум — мера осознания ответственности, а самосознание Я — точка сборки свободы и ответственности, результат интерпретации (нарратации) своего поведения другими и самой личностью. Так что Ф. Ницше был не так уж далек от истины, говоря, что свобода, мораль и право придуманы, чтобы нас оценивать и судить. А наш современник П. Перебум, обобщая результаты исследований нейрофизиологии мозга, о том же самом говорит еще жестче: об этом не надо говорить многим людям, но стоит быть к ним терпимее [Regeboom D., 2014]. Однако это дает возможность человеку, в отличие от животного, действовать вопреки миру. Детерминизм, знание причин не исключает возможности свободного решения. Более того — открывает возможности конструктивной деятельности, выбора способа действия, принятия и реализации решения, творчества.

Обозначенный подход может рассматриваться как применение идей М.М. Бахтина и их современное развитие. Он дает достаточно прочное основание для развития междисциплинарных исследований и даже конвергенции гуманитарных, социальных и естественных наук. В этом поле анализа преодолевается застарелое противопоставление аналитической (англоязычной) и герменевтической (континентальной) философских традиций. Немаловажен такой подход и для осмысления перспектив практик социальной идентификации и позиционирования личности в современном социуме [Тульчинский Г.Л., 2020].

Homo digitalis и перспективы субъективности

Однако наиболее важное применение развитого выше подхода относится, пожалуй, к оценке ситуации и гуманитарных последствий переживаемой

радикальнейшей трансформации всего образа жизни, связанной с цифровизацией.

Основную часть истории человек делал мир понятным, уподобляя его себе. Однако с развитием техники мир становился все менее антропоморфным, уподобляясь все более сложным механизмам. Однако качественная новизна происходящего на наших глазах технологического сдвига не сводится только к очередным достижениям науки и техники. Практики, связанные с развитием цифровизации, создали новую целостную среду обитания — искусственную практически полностью: от технологий производства продуктов питания до зданий и сооружений, созданных на 3D-принтерах, беспилотных транспортных средств, комплексов типа smart city, Интернета вещей, на глазах превращающегося в «Интернет всего» (Internet of everything). Мобильная связь, социальные сети, Big Data, камеры наблюдения в smart house в smart city ставят под постоянный контроль не только поведение, но, фактически, и сознание. Культура в условиях цифровизации превращается в подобие машины, когда реальность предстает реализацией «трансцендентного» цифрового кода, который выступает оригинальным источником для любого количества артефактов как своих копий.

Традиционно техника понималась как совокупность искусственных вещей, созданных для выполнения каких-то задач. В настоящее время технические устройства не только отделяются от природы и создателя, а конвергируют с ними. Такое взаимопереплетение живой и неживой природы в рамках все расширяющегося инжиниринга позволяет говорить о постчеловечности, «постбиологичности» человека, его постантропоморфности, постчеловеческой персонологии, транс- и постгуманизме.

Современная оцифрованная искусственная среда втягивает не только естественную среду, но и биологическую природу человека, который сам превращается в артефакт. Нанотехнологии, искусственный интеллект, робототехника, протезирование, геновая инженерия все в большей степени позволяют преобразовывать собственно человеческую природу. Тело перестало быть «темницей души», его можно не только украшать, но и менять как костюм или платье — вплоть до смены пола и киборгизации, не говоря уже о способах искусственного оплодотворения, вынашивания плода, медикаментозного влияния на поведение.

«Границы между технологиями и человеческими существами размываются, и не только бла-

годаря возможностям создавать роботов, похожих на живые существа или синтетические организмы, — речь идет о способности новых технологий буквально стать частью нас», — полагал несколько лет назад инициатор и вдохновитель Давосского форума [Шваб К., 2018]. Однако в наши дни человек превращается из пользователя опций потребления и творчества в одну из опций цифровой мегамшины.

Искусственная сделанность вытесняет не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Антропологической проблемой становится проблема скоростей презентации и обработки этих презентуемых в потоках информации данных и все большим ускорением этого потока. Речь идет о скоростях, не всегда доступных человеческому мозгу, что просто не оставляет времени для осмысленной рефлексии. Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». Сама его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некой «мегамшины».

Презентируется перманентно изменчивый поток информации, требующей от пользователя (зрителя, слушателя, читателя) не каких-то рассуждений, аргументации, оценки и прочей наррации, а реакции на ситуацию, на поступающие сигналы, нажатие правильных опций, реализующих кем-то ранее заданные алгоритмы. При этом эмоциональное отношение, его переживание редуцируется именно к непосредственной, желательно быстрой (автоматической) реакции. А это уже, в определенной степени, возврат к сигнальной коммуникации — одно из проявлений «новой животности» [Агамбен Д., 2012], которая как раз и заключается в том, что быстротечная череда таких реакций не оставляет места для памяти — эфемеризма сознания.

В силу скоростей информационных процессов под сомнение ставится необходимость самого существования артефакта данных о переживаниях, сроку жизни которых, как в технологии snapchat, могут отводиться считанные минуты. Более того, Интернет сохраняет следы созерцаний и переживаний без их носителя. Самоценным становится сам процесс обработки данных, вытесняющий осмысление.

Ситуация меняется стремительно — похоже, что вопреки мнению К. Шваба уже не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы — частью этих технологий, а мозг как «машина реальности» сам оказывается частью другой машины. В условиях тотальной включенности в

«мегамашинную» цивилизацию, в которой живое и неживое, биологическое и механическое синтезированы в единую цифровую экосистему, homo digitalis все более становится не самостоятельной частью этой системы, а ее инструментом и продуктом.

Это в любом случае — отход от доминировавшей до сих пор линии развития человеческой мысли и цивилизации, которая до сих пор определялась «встречей Афин и Иерусалима», синтезом двух великих нарративных идей — иудео-христианского монотеизма и античной логической рациональности: мир един, в его основе единый замысел единой воли, и этот замысел разумен, а человеку дан инструмент распознавания этого замысла. Сначала вопросы задавались священным текстам, затем — в научных опытах — самой природе. Дальше уже был короткий путь от деизма к человеку-инженеру, рационалистическому преобразовательному активизму и современному миру. Согласно этой «европейской метафизике» природа едина и различаются точки зрения на нее, подходы к ней — смыслы и культуры. С семиотической точки зрения это означает, что денотат один, но его смыслы. А понять нечто можно только заняв какую-то позицию, точку зрения, коих множество. Одно из следствий этой мировоззренческой установки — право на свободу слова и мнения, толерантный мультикультурализм.

Ситуация же с тотальной машинной цифровизацией больше напоминает «индейскую метафизику», описанную К. Леви-Стросом и В. де Кастроу [Кастроу Э.В. де, 2017], которая дает единую точку зрения на различное, когда смысл, замысел один, а различны денотаты как его воплощения. Понять что-то можно, только воплотившись, буквально — сделавшись в этом теле, заняв его. В этом плане можно говорить не о мультикультуральности, а о мультинатуральности воплощения единого, в качестве чего может выступать цифровой код.

Тогда это уже ситуация не столько «Матрицы», в которой люди — сырье порождения фантомного мира, сколько «Соляриса» С. Лема, в котором люди, их мир и переживания — порождения некоего планетарного целого. И в этой ситуации найти место и возможности изменить правила бытования намного меньше, чем у «матричного» Нео и его друзей. Что это — срыв в архаику? Или полное торжество конструктивного разума? В любом случае — рационализм, доведенный до своего предела, а возможно, — и до противоположности.

И все же: слабости как преимущества

Подведем некоторый итог. Великий проект гуманизма Просвещения реализован. И на выходе, в результате — новая животность. Проблематичность свободы воли, самосознания, ответственности. Расслоение и зависимость от новых хозяев. Многоуровневый контроль: над интеллектом (посредством искусственного интеллекта), эмоциями и поведением (посредством маркетинга подталкивания на основе Big Data), социализацией как таковой. Мы постепенно становимся не столько пользователями технологий, сколько их частью. Если раньше между мозгом и миром вещей был язык, то теперь — цифры. Механизм погружения человечества в так называемую «цифровую оболочку», формирования homo digitalis уже запущен, причем этот процесс носит массовый характер. А это значит, что постчеловеческое будущее ближе, чем может казаться на первый взгляд.

Каков же в таком случае возможный человек будущего? Жажущий внешних стимулов и реагирующий только на них? Но чувства притупляются, в жизни будет не хватать чего-то контрастного? Об этом много и убедительно писал еще маркиз Ж. де Сад. И это хуже, чем даже новая животность.

Нарастающий тренд открывает перед человечеством перспективу в духе начала знаменитого рассказа Р. Брэдбери «Будет ласковый дождь». Роботы выполняют все привычные программы по поддержанию «умного дома»: включают музыку, напоминают о дате, готовят завтрак, чистят комнаты, открывают и закрывают гараж и ворота. Только людей в этом доме нет. Да и кому нужен обладающий самосознанием субъект, осмысляющий мир «в первом лице», когда все проблемы разрешимы за него и без него «в третьем лице»? Капитализм, целью которого является самовозрастание капитала, способ производства античеловечный и бесчеловечный, получает в цифровом мире наиболее полное воплощение: место природной и трудовой ренты занимает рента сетевая. И где здесь человек?

Описанные выше проблемные поля представляются на первый взгляд довольно разрозненными, слабо поддающимися философскому осмыслению. И это является серьезным вызовом философскому анализу, тяготеющему к обобщению и интеграции смысловой картины мира и человека. Однако следует признать недостаточность и даже тупиковость абстрактного анализа в поисках ответов на отмеченные концептуальные и цивилизационные вызовы. Все очень конкретно.

У любого достижения цивилизации есть неоднозначные обстоятельства. Автомобиль, компьютер порождают немало проблем, осложняя жизнь — от ДТП до гиподинамии. Но никто от них не отказывается. Наоборот, зная о таких последствиях и обстоятельствах, можно предпринимать меры, чтобы противостоять нежелательным последствиям.

А субъектность, самосознание при всей своей «нематериальности» неоднократно демонстрировали свой нетривиальный потенциал. Даже опыт людей, прошедших гитлеровские концлагеря и сталинский ГУЛАГ, говорит о том, что выживали те, кто сами себе придумывали какие-то правила поведения, не предусмотренные лагерными регламентами, сохраняли чувство юмора, позволяющее переосмыслить реальность в ином контексте. Алгоритмизируем ли такой опыт переживания? Похоже, что пока нет.

Не случайно в реальном менеджменте работодатели подчеркивают роль эмоционального интеллекта, необходимость soft skills: коммуникативных навыков, способности к сопереживанию, эмоциональности, юмора, самоиронии — проявлений сознания и самости «в первом лице». Так, во время 30-минутного собеседования при поступлении на MBA в Harvard business school соискателям задают странные на первый взгляд вопросы: «Объясните мне, над чем Вы работаете, как будто я восьмилетний ребенок», «В чем Вы никогда не сможете добиться успеха и быть так же хороши, как другие?», «Какие два лучших совета, которые Вам давали? Почему Вы так считаете?», «Чем Вы хотели бы запомниться?», «Как Вы принимаете важные решения?», «Как Ваши родители описали бы Вас 12-летнего?», «О чем я никогда бы не догадался, даже прочитав Вашу заявку на поступление?», «Какой самый непростой вопрос задавали Вам?». Нетрудно заметить, что ответы на такие вопросы требуют рефлексии и развернутую нарративную историю от первого лица. А это означает запрос работодателей не просто на человеческий капитал, а именно на личностный капитал, выражающийся в развитом самосознании от первого лица.

Как-то недавно в одном спортивном интервью был задан такого рода вопрос: почему в спорте (и не только) подвиги совершают двоечники и троечники, а девушки почему-то предпочитают «плохих парней». При всей эпатажности, в этих словах есть рациональное зерно. «Отличники» следуют установленным правилам и часто теряются в нетривиальных ситуациях, когда требуется

иной взгляд и подход. Хорошо известно, что научные открытия часто делают дилетанты, не знакомые с «теоретическими рамками», или специалисты из других областей.

Все более отчетливо становится ясной важность не просто сознания как способности мыслить, сознавать себя и Другого — такой процесс инсталляции алгоритмов моделируем и воспроизводим в искусственных системах. Хотя бы потому, что в этом случае речь идет о сознании «в третьем лице». Главное же — субъективность «в первом лице», которая сопровождает сознательное содержание субъекта, включая эмоционально окрашенные переживания [Тульчинский Г.Л., 2019]. Похоже, что именно это выделяет человека среди других субъектов деятельности, которые могут появиться в будущем (андроиды, репликанты и т.д.).

Преимущество человека в конкуренции «белка» и «песка» видится в его слабости. Он устает. Конечен и осознает конечность. Эмоции. Которые выступают не просто и не только источником смыслообразования. Человек может быть доволен. Но чаще может быть не доволен собой, своим местом в мире. Он привыкает к рутине, но при этом — все время хочется чего-нибудь нового. Это не просто цели — машина может формулировать задачи по достижению цели. Ставит она и цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы? Для машины это сбой в программе. Человек сбивает постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из ressentimentа. «Когда бы вы знали, из какого сора...»

В менеджменте надо уметь из минусов делать плюсы. Так и человеческие вроде бы слабости дают некоторые преимущества перед оцифрованным искусственным интеллектом. По крайней мере, пока не будет создано существо автономное, конечное в своем существовании, осознающее это, переживающее это, стремящееся и способное выйти за горизонт сущего.

Пока же таким существом способен быть только человек (на «белке»), живущий в обществе — в качестве личности, которая есть центр, в котором реализуется, находит себя социальный опыт, а поступки личности в конечном итоге есть единственный путь реализации и развития этого опыта.

В определенном смысле, с точки зрения общего социально-культурного прогресса, самосознание самости и его активацию можно рассматривать как индивидуально реализуемую, но социально значимую пробу возможных вариантов че-

ловеческого самоизменения как самоизменения человеческого опыта. Все субъективно личностное служит в итоге практической пробой социального на его состоятельность. И в этом плане возрастает роль комплексной гуманитарной экспертизы: не только последствий новых технологий, но и на стадии их разработки и внедрения.

Список литературы

- Агамбен Д. Открытое. Человек и животное / пер. Б.М. Скуратова. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник, 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
- Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии / пер. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
- Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. 544 с.
- Мишура А. Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26, № 5. С. 19–58.
- Тульчинский Г.Л. Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. СПб.: Алетейя, 2019. 470 с.
- Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.
- Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь мир, 2018. 320 с.
- Шваб К. Технология Четвертой промышленной революции / пер. с англ. К. Ахметова и др. М.: Эксмо, 2018. 318 с.
- Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. N.Y.: Pantheon, 2010. 384 p.
- Dennett D. Freedom Evolves. London: Penguin Books, 2003. 368 p.
- Harari Y.N. Sapiens: A Brief History of Humankind. N.Y.: Random House, 2014. 512 p.
- Kane R. Free will and responsibility: Ancient dispute, new themes // The Journal of Ethics. 2000. Vol. 4, iss. 4. P. 313–417.
- Pereboom D. Free Will, Agency, and Meaning in Life. Oxford: Oxford University Press, 2014. 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199685516.001.0001>

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

- Agamben, D. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhivitnoe* [The open. Man and animal]. Moscow: RSHU Publ., 112 p.
- Bakhtin, M.M. (1986). [To the philosophy of action]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki*:

Ezhegodnik, 1984–1985 [Philosophy and sociology of science and technology: yearbook, 1984–1985]. Moscow: Nauka Publ., pp. 80–160.

Castro, V. de. (2017). *Kannibal'skie metafiziki. Rubezhy poststrukturnoy antropologii* [Cannibal metaphysics. For a post-structural anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 200 p.

Damasio, A. (2010). *Self comes to mind: constructing the conscious brain*. New York: Pantheon Publ., 384 p.

Dennett, D. (2003). *Freedom evolves*. London: Penguin Books Publ., 368 p.

Harari, Y.N. (2014). *Sapiens: a brief history of humankind*. New York: Random House Publ., 512 p.

Henrich, D. (2018). *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub'ektivnosti* [Thinking and self-being. Readings about subjectivity]. Moscow: Ves' Mir Publ., 320 p.

Kane, R. (2000). Free will and responsibility: Ancient dispute, new themes. *The Journal of Ethics*. Vol. 4, iss. 4, pp. 313–417.

Lotman, Yu.M. (2002). *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art].

Saint Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ., 544 p.

Mishura, A. (2016). [Battlefield: free will]. *Logos*. Vol. 26, no. 5, pp. 19–58.

Pereboom, D. (2014). *Free will, agency, and meaning in life*. Oxford: Oxford University Press, 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199685516.001.0001>

Schwab, K. (2018). *Tekhnologiya Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technology of the Fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo Publ., 318 p.

Tulchinskiy, G.L. (2020). *Filosofiya postupka: samoopredelenie lichnosti v sovremenom obschestve* [Philosophy of action: self-determination of personality in modern society]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 826 p.

Tulchinskiy, G.L. (2019). *Telo svobody: otvetstvennost' i voploschenie smysla* [The body of freedom: responsibility and meaning]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 470 p.

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Тульчинский Григорий Львович

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16;
e-mail: gtul@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>
ResearcherID: B-8509-2016

About the author

Grigorii L. Tulchinskii

Doctor of Philosophy, Professor,
Honored Scientist of Russia

National Research University
«Higher School of Economics»,
16, Soyuz Pechatnikov st., St. Petersburg, 190121;
e-mail: gtul@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>
ResearcherID: B-8509-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Тульчинский Г.Л. Homo digitalis и самосознание: трансформация, вызовы и запрос на уникальную самость // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 302–311.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-302-311

For citation:

Tulchinskii G.L. [Homo digitalis and self-awareness: transformation, challenges and request a personological unique self]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 302–311 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-302-311